
Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин»

Павел Лукин

В современном русском языке есть два разных слова: «горожанин» (множественное число: «горожане») и «гражданин» (множественное число: «граждане»). Слова эти имеют разные и вполне определённые значения. «Горожанин» – это житель города, т.е. крупного населённого пункта, административного, торгового и промышленного центра; «гражданин» – это лицо, принадлежащее к полноправному населению данного государства (вне зависимости от места проживания, в городе или в сельской местности)¹. Оба слова, между тем, родственны, и происхождение их одинаково. Специалист по русской этимологии М. Фасмер отмечал в своём словаре, что «горожанин» представляет собой «исконно русскую» форму, а «гражданин» – старославянскую, но обе восходят к праславянскому *gordъ (*gorda, *gordь)², которое имело значения «город», «стена, городская стена», «сад»³. Слово «гражданин», по мнению учёного, является калькой с древнегреческого слова πολίτης⁴.

В древнерусских текстах мы, однако, встречаем обе формы: «горожанинь» и «гражанинь/гражданинь»⁵. В форме «гражанинь» отразилось свойственное русскому языку «ж» (а не церковнославянское «жд»), но не отразилось русское полногласие («-ра-» вместо «-оро-»)⁶. Формы «гражанинь» и «гражданинь» объединяются, поскольку варьирование «ж/жд» имеет чисто орфографический характер⁷. Утверждать *a priori*, что церковнославянские формы всегда имели одно значение, а древнерусские – другое, не приходится, так как противопоставление древнерусской и церковнославянской лексики вряд ли вообще оправдано.

Ниже я постараюсь, во-первых, определить более точно значение/значения этих слов; во-вторых, проследить, были ли между этими формами какие-то различия в значениях; в-третьих, проверить некоторые высказывавшиеся в последнее время смелые предположения о том, как должно интерпретироваться древнерусское слово «гражане». На последнем стоит остановиться подробнее. Так, Т.Л. Вилкул считает слово «гражане» книжным, а «[п]олногласное “гражане”», по её мнению, является «древнерусской адаптацией книжного “гражане”». Общие её выводы достаточно туманны: «[т]емпы освоения книжного слова у хронистов разнились»; «слово (гражане. – П.Л.) не является сугубо вечевым [?], тем не менее может обозначать и вечников». В целом Вилкул весьма скептически относится к возможности установить, кто именно в каждом

© 2014 г. П.В. Лукин

¹ Словарь русского языка. М., 1953. С. 118, 120.

² Фасмер М. Указ. соч. Т. I. М., 1986. С. 443, 451.

³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (далее – ЭССЯ). Вып. 7. М., 1980. С. 37–38.

⁴ Фасмер М. Указ. соч. Т. I. С. 451.

⁵ Словарь древнерусского языка XI–XIV в. Т. II. М., 1989. С. 360, 380–381.

⁶ Об этих фонетических особенностях см., например: Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 2005 [1907]. С. 21–24.

⁷ Благодарю за консультацию А.А. Гиппиуса и А.И. Грищенко.

конкретном случае имеется в виду под «горожанами»⁸. В.В. Долгов, придерживающийся совсем других взглядов на политический строй Древней Руси, критикует традиционное понимание интересующей нас лексемы («горожане»/«гражане» = «горожане, жители города») с других позиций. Полемизируя с автором этих строк, он высказывает сомнение в том, что «древнерусское слово “гражане”» точно «соответствует современному русскому слову “горожане”, а не, например, “граждане”»)⁹.

Обратимся к самой авторитетной выборке – материалам картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., которая хранится в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, а также к некоторым другим свидетельствам, не учтённым в картотеке. В результате выясняется следующее. Среди упоминаний «горожан/гражан» в древнерусских текстах есть немало таких, точное значение которых установить сложно, или они могут быть интерпретированы по-разному. Поэтому следует сосредоточить внимание только на тех, значение которых ясно.

Прежде всего выделяется множество контекстов, в которых эти слова определённо означают именно и только жителей города как населенного пункта, отличающегося от поселений меньшего масштаба и значения. Приведу наиболее яркие и интересные примеры. В одном из древнейших русских законодательных памятников – Правде Русской пространной редакции (XII в.), в первой же статье читаем о наказаниях за убийство представителей тех или иных категорий населения: «Аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купецъ, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь»¹⁰. Так – в большинстве списков, в том числе в списках Синодально-Троицкой группы, которая лучше других отражает архетип (оригинальный текст) Пространной правды¹¹. В списках Пушкинского вида вместо слова «русинъ» читается «горожанинъ»¹² (в списках Карамзинского вида – смешанное чтение: «русин горожанин»)¹³. Списки Пушкинского вида связаны с Новгородом, где, по-видимому, в XIII в.¹⁴ ставшее непонятным или/и неактуальным в данном контексте понятие «русин» было заменено на понятие «горожанин». Имеется в виду, естественно, не «гражданин» как любой полноправный житель данного государства, а именно горожанин, т.е. житель города (скорее всего, самого Новгорода, но, может быть, и его «пригородов»: Ладоги и Русы). А.А. Зимин полагает, что получившаяся фраза выглядит «не совсем складно», так как «го-

⁸ Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 48–52. О возможности реконструкции значений слова «горожане/гражане» в конкретных контекстах будет говориться ниже, но здесь нужно заметить, что теория о его «книжном» происхождении не выдерживает критики. Слово *gordjan[in]ъ было уже в праславянском языке (где оно никак не могло являться адаптацией какого-либо книжного понятия) и фиксируется во многих славянских языках (См.: ЕССЯ. Вып. 7. С. 36). Формы «гражанин»/«горожанин» отличаются друг от друга так же, как «град»/«город», «клас»/«колос» и т.д. – полногласные формы, естественно, не являются «адаптациями» форм церковнославянских.

⁹ Долгов В.В. Концепция И.Я. Фроянова в современной исторической науке: к вопросу о способе ведения дискуссий // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 6. СПб., 2011. С. 28.

¹⁰ Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1940 (далее – ПР). С. 104.

¹¹ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 154.

¹² ПР. Т. I. С. 282, 300.

¹³ Там же. С. 329, 347, 371.

¹⁴ См.: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 158, 165–166.

рожанин» оказался противопоставлен «словенину», под которым теперь понимался сельский житель в Новгородской земле¹⁵. Однако эта «нескладность» кажущаяся. На Руси в раннее время сельские жители разного социального статуса, как правило, не характеризовались общим термином (наподобие позднейшего «крестьянин»); использование понятия «горожанин» вполне определённо сигнализировало людям того времени, что под «словенином» надо понимать негорожан, т.е. сельское население.

Только и именно горожане (жители города) имеются в виду и в грамотах. Например, в договорной грамоте полоцкого князя Изяслава с магистром Ливонского ордена и Ригой (ок. 1265 г.) князь обращается «къ епископу и къ мастерю и къ всемъ вельневицем и ратьманом, всемъ горожаном»¹⁶. Рига тогда была городом, основанным на немецком праве, подразумевавшим формирование городской общины с собственным самоуправлением, и под «горожанами» могли иметься в виду только его полноправные жители. В правовом отношении они не имели ничего общего с окрестным туземным сельским населением. То же мы видим и в подтверждительной грамоте смоленского князя Фёдора Ростиславича 1284 г. В ней среди лиц, заверивших грамоту, упоминается «отъ горожанъ Петръ Бяртолтъ»¹⁷. Это явно был представитель рижских городских властей ганзейского города, каким Рига являлась с 1282 г.¹⁸

Это же значение превалирует и в раннем летописании. Например, в Новгородской первой летописи «младшего извода» читаем уже под 1016 г. о конфликте Ярослава Мудрого с новгородцами: «Князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысячу, и, обольстивъ ихъ, исѣче... а друзии бѣжаша изъ града»¹⁹. Ясно, что здесь «гражане» – это городские жители, а не «граждане» вообще. Кто ещё, кроме городских жителей, мог бежать из города?

Встречается в летописях и противопоставление горожан негородским жителям. Наиболее яркий пример – в Галицко-Волынской летописи (в составе Ипатьевской летописи), где под 1223 г. в рассказе об одном из сражений говорится: «И вся земля попленена бысть: бояринъ боярина плѣнившю, смердъ смерда, градъ града»²⁰. «Градъ» здесь, конечно, – то же, что и «гражанинь». Он отделяется и от бояр, как лиц, так сказать, экстерриториальных (они могли жить как в городе, так и в своих владениях), и от смердов, под которыми в данном случае понимается всё рядовое сельское население (т.е. будущие крестьяне).

Материалы картотеки Словаря древнерусского языка показывают, что для русских оригинальных текстов было характерно именно такое, чисто «городское», значение интересующего нас слова. Иная картина вырисовывается при обращении к переводной церковно-книжной литературе. Например, в «Пчеле» – древнерусском переводе византийского сборника изречений (не позднее начала XIII в.) слово «гражанин/гражане» используется в более широком значении. Соломону там приписывается такое высказывание: «Ти гради добрѣ стоять, въ нихъ же граждане князя слушаютъ, а князь закона»²¹. Если понимать под «гражанами» собственно горожан, высказывание получается довольно абсурд-

¹⁵ Зимин А.А. Указ. соч. С. 279–280.

¹⁶ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. М., 1977. С. 36.

¹⁷ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 66.

¹⁸ Об организации городских общин ганзейских городов см.: Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München, 2000. S. 70–71.

¹⁹ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 174.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 739.

²¹ Пчела. Древнерусский перевод. Т. I. М., 2008. С. 351.

ным: выходит, что слушаться князя должны только жители города, а селяне, видимо, нет. Обращение к греческому оригиналу разрешает, однако, этот парадокс. Кроме того примечательного, но не имеющего отношения к нашей теме обстоятельства, что никакого Соломона в оригинале нет, а есть знаменитый афинский законодатель Солон (которого древнерусский переводчик заменил на более близкого человеку христианской культуры древнееврейского царя), из оригинального текста выясняется, какое слово было переведено на древнерусский как «горожанин». На вопрос «πῶς ἄριστα αἱ πόλεις οἰκοῦντο» («Как лучше всего управляются полисы?») Солон отвечает: «ἐὰν οἱ μὲν πολῖται τοῖς ἄρχοντι πείθωνται, οἱ δὲ ἄρχοντες τοῖς νόμοις» («Если подчиняются правителям, а правители – законам»). В древнегреческом языке слово πόλις и производное от него, πολῖται, могли иметь два значения: 1) собственно города и его жителей; 2) государство (точнее, государство особого рода – греческую гражданскую общину, которую в новой литературе так и принято называть «полисом») и свободных, полноправных граждан этого государства, вне зависимости от места их проживания²². При этом и в первом случае слово πόλις обозначало город не просто как населенный пункт (в отличие от другого слова – ἄστο), а как политическую и религиозную общность. Также и πολῖται – это прежде всего свободные люди, сограждане, тогда как ἀστός просто житель города, не обязательно наделённый политическими правами (в противопоставление ξένος – «чужеземец»)²³.

В данном случае, несомненно, имеет место второе значение. Солон был озабочен управлением не только самим городом Афины, но и всем афинским государством, афинским полисом. Полῖται – граждане этого государства, как горожане, так и сельские жители. Древнерусский переводчик передал эти понятия чисто формально, не сохранив их подлинного значения. Очевидно, древнерусские книжники, видя в греческом тексте слово πολῖται, не понимали всех нюансов его значения по той причине, что в средневековой Руси, вопреки некоторым попыткам доказать обратное²⁴, ничего похожего на античные полисы не существовало.

Ещё более определённо это выглядит в другом месте «Пчелы». Там содержится сетование: «Чада же и другие обычныя отгонимъ гнѣвомъ на гражданы, и на слугы гнѣвъ пущаем, яко звѣри»²⁵. Кто такие эти «граждане» и почему они противопоставляются «слугам»? При обращении к оригиналу всё становится ясно: τέκνα δὲ καὶ φίλους συνήθεις ἐκβάλλομεν ὑπ’ ὄργῃς, οἰκέταις τε καὶ πολίταις τὸν θυμὸν ὥσπερ θηρίον [ἐ]φίεμεν («детей и близких друзей изгоняем во гневе, на рабов же и граждан напускаем гнев, как зверя»). Совершенно очевидно, что противопоставление здесь идёт по линии «зависимый – свободный», а не «горожанин – сельский житель».

В других переводных памятниках также встречаемся с подобным значением. В древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, сделанном, вероятно, в XII в. на юго-западе Руси, слова иудеев, обвинявших в Риме перед

²² Liddell G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 1433–1434, 1434–1435.

²³ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. Paris, 1968. P. 926, 129–130.

²⁴ Ср., например: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 266–267. Древнерусские земли сравнивались с греческими полисами и ранее, особенно в рамках так называемой земско-вечевой теории, распространённой в русской историографии второй половины XIX – начала XX в.

²⁵ Пчела... Т. I. С. 187.

императором своего правителя Ирода Архелая, переданы так: «Испръва огради цесарство убиениемъ 1000 гражданъ». В оригинале читаем: προοιμίασθαι τὴν βασιλειαν τρισχιλίων πολιτῶν φόνῳ («начал царствование с убийства трех тысяч политон»)²⁶. Из предыстории события становится ясно, что речь идёт о резне, учинённой Архелаем во время иудейской Пасхи (праздника опресноков), когда, по словам самого Иосифа Флавия, в Иерусалим «сходится из страны бесчисленный народ» (κάτεισι μὲν ἐκ τῆς χώρας λαὸς ἀπειρος)²⁷. Таким образом, убиты были иудеи вообще, а не только иерусалимские горожане.

В оказавшем большое влияние на древнерусское летописание славянском переводе «Хроники» Георгия Амартола в одном из фрагментов идет речь о лжепророках Седекии и Ахаве (образ Седекии у Георгия контаминирован с образом одноимённого последнего допленного царя Иудеи²⁸). Они осуждаются за то, что «створиста безаконие в Иер[уса]л[и]мѣ и прелюбы творяста съ женами гражданъ своихъ»²⁹ (ἐποίησαν ἀνομίαν ἐν Ἱερουσαλήμ καὶ ἐμοιχώντο τὰς γυναικας τῶν πολιτῶν αὐτῶν)³⁰. Достаточно очевидно, что здесь слово «граждане» (как и πολῖται в оригинале) означает не жителей города Иерусалима, а сограждан Седекии и Ахава: автор явно стремился подчеркнуть исключительную безнравственность лиц, надругавшихся над жёнами близких к ним по происхождению и государственной принадлежности людей (ср. указанное в словарях значение слова «πολίτης – «fellow-citizen», «concitoyen»³¹). Факт проживания именно в городе Иерусалиме не имеет в этом контексте никакого значения.

Разумеется, из этого не следует, что переводные тексты не знали значения «собственно горожанин, житель города». Это не так. В той же «Иудейской войне» оно встречается неоднократно. Важно, однако, то, что характерное для переводных текстов значение «граждане» не было в целом свойственно *оригинальным* древнерусским памятникам. Это опять-таки не исключает того, что подобное значение могло проникать и в оригиналный узус, поскольку оригинальная и церковно-книжная литературы не были отделены друг от друга «китайской стеной», но, безусловно, оставалось в нём маргинальным. Выше же мы видели, что для русских оригинальных текстов как раз «гражданское» значение слова «горожанинъ» не являлось характерным.

Это различие хорошо может быть представлено в виде таблицы, построенной на основе контекстов из картотеки Словаря древнерусского языка. Конечно, нельзя быть полностью уверенным в том, что мной безупречно поняты все контексты, возможны какие-то ошибки. Материал картотеки ни в коей мере не исчерпывает корпус упоминаний «горожан/гражан» в древнерусской книжности. Не стоит поэтому воспринимать приведённые ниже цифры как совершенно точные. Тем не менее общая картина представляется достаточно ясной.

²⁶ История Иудейской войны Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. И. М., 2004. С. 150, 481. Этот текст не учтен в картотеке Словаря, но имеется хорошее современное издание со словариками. Обратим также внимание на расхождение в числе убитых между оригиналом и переводом.

²⁷ Там же. С. 478.

²⁸ Матвеенко В., Щёголева В. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели. М., 2000. С. 402.

²⁹ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. И. Текст. Пг., 1920. С. 174.

³⁰ Georgii Monachi. Chronicon. T. I. Lipsiae, 1904. P. 247.

³¹ Liddell G., Scott R. Op. cit. P. 1435; Chantraine P. Dictionnaire étymologique... Р. 926.

Вот так выглядит распределение значений слова «гражанинъ/гражданинъ» в оригинальных древнерусских текстах:

Значение «гражданин, πολίτης»	Значение «горожанин, житель города»	Спорные случаи
0	26	11

Переводные с греческого тексты:

Значение «гражданин, πολίτης»	Значение «горожанин, житель города»	Спорные случаи
44	12	14

А так выглядит то же распределение значений применительно к лексеме «горожанинъ».

Оригинальные тексты:

Значение «гражданин, πολίτης»	Значение «горожанин, житель города»	Спорные случаи
0	40	4

Переводные тексты:

Значение «гражданин, πολίτης»	Значение «горожанин, житель города»	Спорные случаи
1	1	1

Основной вывод, который можно сделать из данных наблюдений, состоит в том, что реальная картина оказывается, с одной стороны, довольно сложной и нюансированной: у слова «горожане»/«граждане» не было единого, строго определённого значения, с другой – характер текстов, где встречается это слово, и контекст упоминаний позволяют в большинстве случаев его установить. Становится очевидным, что принципиальным фактором, определявшим различие значения, является не *форма* лексемы – древнерусская или церковнославянская – а *характер текста*, в котором она употребляется: оригиналный или переводной с греческого.

Таким образом, «полисная», «гражданская» терминология оставалась чуждой живому древнерусскому языку. Не подтверждаются на лингвистическом материале представления о неотделённости городского и сельского населения на Руси. В живом древнерусском языке отсутствовали понятия, соответствующие греческим понятиям πόλις и πολῖται. Не случайно, между прочим, что сторонники «полисной» теории древнерусского общественного строя вынуждены подыскивать для обозначения древнерусских «граждан» понятия, либо имевшие очень общее значение («людие»), либо вообще не существовавшие в реальном древнерусском языке раннего времени понятия или употреблявшиеся в совершенно ином значении (например, «волошане» или «людство»)³². Неразвитость терминологии также не может свидетельствовать в пользу этого представления. Отсутствие в ранний период единого, общепринятого термина, характеризовавшего сельское население в целом, не мешало, как было показано выше, вполне чётко отделять его от городского. Понятие «горожанинъ»

³² См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 118–123; он же. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 459; он же. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 318.

в значении житель города, значительного населённого пункта, как правило, укреплённого, несомненно, в свою очередь, бытовало в живом древнерусском языке. На практике это означает, что если в древнерусском оригинальном тексте встречается слово «горожанинъ/гражанинъ», то в огромном большинстве случаев оно будет характеризовать именно жителя города как такового. Что же касается предположений о «гражданском» значении, то их следует в каждом случае подробно и тщательно обосновывать, внимательно изучая контекст.

Литературному значению формы «гражданинъ» была уготована, тем не менее, славная судьба. Именно на её основе впоследствии сложился современный русский термин и его многочисленные производные, вошедшие, в свою очередь, даже в народные говоры (например, просторечное «граждан» в значении «гражданин»³³). Но это уже предмет отдельного исследования.

³³ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972. С. 110.

Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей»

Дмитрий Лисейцев

В российской исторической науке с середины XIX в. одной из дискуссионных проблем остаётся вопрос о Земских соборах XVI–XVII столетий. Представители различных научных школ по-разному трактуют их происхождение, функции, место в политической системе Московского царства. Оценки этого феномена диаметрально противоположны. Одни специалисты отказывают соборам в возможности играть самостоятельную роль в условиях укрепляющегося в России самодержавия. Другие усматривают в них первые ростки гражданского общества и выборности власти в России, а сам институт выборности представителей разных областей и сословий считают своего рода «начальной школой» гражданственности. Вне зависимости от позиции, которую избирает для себя исследователь Земских соборов, необходимо помнить, что они не сложились в своём окончательном виде сразу, а были явлением сложным, прошедшим определённую эволюцию за приблизительно столетний период существования. Особое место в эволюции Земских соборов занимают Смутное время начала XVII в. и особенно собор 1613 г.¹

В настоящей статье я хочу заострить внимание на одном терминологическом новшестве, которое ненадолго вошло в политический обиход московских

© 2014 г. Д.В. Лисейцев

¹ Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов // Платонов С.Ф. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Статьи по русской истории 1883–1917 годов. М., 2012. С. 237–238.